

12+

КРЫМ – ЗЕМЛЯ ЛЕГЕНД

ТОМ 2: -63

Vincent McQueen

Vincent McQueen

Крым — земля легенд. Том 2: - 63

«Издательские решения»

McQueen V.

Крым — земля легенд. Том 2: - 63 / V. McQueen —
«Издательские решения»,

Вторая часть восьмитомной серии «Крым — земля легенд» погружает читателя в самое сердце истории. Мишель оказывается свидетелем истоков культурной и идентичной самобытности Крыма. Здесь, на стыке эпох, рождается душа полуострова. Продолжение захватывающей саги, где Мишель учится адаптироваться к новым реалиям, следуя нити своей судьбы.

Содержание

ТОМ 2: —63	6
Глава 1 — Временной странник	6
Глава 2 — Новый гражданин	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Крым — земля легенд

Том 2: - 63

Vincent McQueen

Иллюстрации <https://deepdreamgenerator.com/terms> Nano-Banana Pro

Корректурa <https://chat.qwen.ai/legal-agreement/terms-of-service> Qwen-3 Max

© Vincent McQueen, 2026

ISBN 978-5-0070-0761-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-0762-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТОМ 2: —63

Глава 1 — Временной странник

Он долго стоял неподвижно, уставившись на место, где должна была возвышаться церковь Святого Владимира. Ничего. Только небо, море и знакомые очертания херсонесского полуострова — неизменные, и всё же из другого времени.

Михаил медленно поднялся. Ноги ещё дрожали, но он устоял. Вокруг ни асфальта, ни проводов, ни следа современности. Лишь узкая тропа, глубоко прорезанная колеями и отпечатками копыт.

Воздух пах солью, сухой травой и розмарином.

Он позвал ещё раз — почти для себя:

— Александра? София?

Ветер унёс его голос. Ответа не было.

Достал телефон. Экран мелькнул и погас. Бесполезно. Спрятал обратно.

И пошёл к городу.

Именно тогда, за поворотом тропы, появился человек.

Он вёл выючную лошадь, нагруженную амфорами. Его хитон был белым, простым, но из добротной ткани — знак определённого положения. Увидев Михаила, он остановился, оглядел его с ног до головы и осторожно спросил:

— Χαῖρε, ξένε. Τίς εἶ σύ;

(Здравствуй, чужеземец. Кто ты?)

Михаил замешкался. Древнегреческий был подзабыт, но он понимал его как родной.

Ответил медленно, без уловок:

— Ἐγὼ Μιχαήλ.

(Я — Михаил.)

Мужчина нахмурился. Он сразу заметил, что его одежда необычна. Но он также знал, что в некоторых отдалённых землях существуют удивительные обычаи.

Спросил:

— Πόθεν ἦκεις;

(Откуда ты?)

На этот раз ответ прозвучал свободнее:

— Ἐκ Μασσαλίας.

(Из Массалии.)

Он имел в виду город, который в очень отдалённом будущем будет называться Марселем.

Массалия была далека, но известна — дружественная греческая колония, не угроза.

После паузы он кивнул.

— Τί δὲ σὲ ἄγει εἰς Χερσόνησον;

(Что привело тебя в Херсонес?)

— Ἦ ὁδός, — просто ответил Михаил.

(Дорога.)

Человек взглянул на небо, потом на лицо Михаила. Наконец протянул руку.

— Ἐγὼ Μιχάλης. Δύο Μιχάληδες! Σημεῖον τῶν θεῶν.

(Я — Михалис. Два Михалиса! Знамение богов.)

Он предложил Михаилу сопроводить его в город — нужно было продать амфоры на рынке. Михаил согласился.

Прежде чем двинуться дальше, Михалис угостил его миской простокваши — свежей, утренней. Они сели у обочины, в месте, откуда открывался вид на всю округу.

Михаил знал: он сидел именно там, где много веков спустя проляжет главная улица — Острякова.

Перед ними раскинулся небольшой город Херсонес. Дальше, на востоке, белели утёсы Инкермана. На западе — край Крымского полуострова: маленький полуостров в полуострове. А на юге — первые отроги южных гор: Балаклава, потом Форос, Ялта.

Солнце медленно поднималось, золотя виноградники вдоль дороги. Вдали виднелась небольшая ферма. Петух пел где-то в полях. Женщины стирали бельё у колодца, их смех доносился на ветру.

Михаил пил медленно. Вкус был кисловатый, живой, без сахара, без примесей. Он вспомнил кофе в Севастополе, дымящуюся чашку на балконе, ладонь Александры, касающуюся его руки. Сердце сжалось.

— Ты устал, — сказал Михалис, не глядя на него.

Михаил кивнул.

— Дорога длинна, когда не знаешь, куда ведёт.

Михалис улыбнулся.

— Значит сегодня она ведёт на рынок. Этого уже довольно.

По пути Михаил всё примечал.

Город окружали прочные стены с узкими воротами. Внутри улицы следовали строгому плану — идеальная шахматная сетка. Дома, низкие, окружали внутренние дворики. Повсюду встречались изображения покровительницы — Афины Полиады, почитаемой здесь под именем Παρθένος Χερσονησίτις. Её лик украшал пороги, фонтаны, даже орудия ремесленников.

Жизнь казалась простой, но спокойной. Женщины пряли шерсть под портиками. Дети играли в кости у агоры. Торговцы продавали солёную рыбу, оливковое масло, местное вино. Никто не спешил. Никто не боялся.

И всего в двух шагах, — море. Бирюзовое, бескрайнее, такое же, каким он его знал: просто прекрасное.

На рынке Михалис расставил амфоры. Михаил помогал их размещать, торговаться о цене. Никто не спрашивал о нём. Чужеземец, который работает, — полезный чужеземец.

Во время передышки, сидя в тени фигового дерева, Михаил наблюдал за прохожими. Видел солдата, подправляющего панцирь, жреца с подношением для храма, старуху, продающую целебные травы. Каждый жест был ритуалом, даже самый обыденный. Здесь жизнь не отделялась от священного.

Через несколько часов всё было продано.

Благодарный за помощь, оказанную без ожидания награды, Михалис пригласил Михаила на свою ферму. Они покинули город через южные ворота.

Его хозяйство находилось в пяти минутах от моря, на ровном участке, защищённом от западного ветра. Старые оливковые деревья давали тень строениям. Виноград поднимался низкими террасами. Поля пшеницы и ячменя колыхались на ветру. Небольшое стадо коз паслось у колодца.

Здесь трудились свободные люди — семьи, чужеземцы, сезонные работники — ведя простую, но достойную жизнь.

Подойдя к дому, Михаил поднял глаза к морю, видневшемуся между рядами винограда.

— Античный проспект... — пробормотал он, не подумав.

Михалис не понял слов, но увидел эмоцию в его взгляде.

— Οἱ θεοὶ εἰσὶν ἐπιεικεῖς πρὸς ἡμᾶς.

(Боги милостивы к нам.)

После паузы добавил:

— Σὺ ἡμῖν ἐβοήθησας ἐν τῇ ἀγορᾷ. Μείνεις ἡμῖν ἡμέρας τινάς.

(Ты помог мне на рынке. Остайся с нами на несколько дней. Ты здесь желанный гость.)

В тот вечер, сидя у костра, они ели хлеб, козий сыр, чёрные маслины. Михалис угощал вином, разбавленным водой, как требует обычай.

Михаил не говорил о 2025. Не говорил о телефонах, поездах, границах. Рассказал лишь, что странствует давно, что ищет место, где можно осесть.

Поздно ночью он вышел подышать перед сном и посмотрел на звёзды.

Они были теми же, что над Севастополем.

Но здесь сияли ярче.

Он не знал, как оказался здесь.

Не знал, как вернуться.

Его разрывала разлука с семьёй.

Ему уже страшно не хватало Александры и маленькой Софии. Он сделает всё, чтобы увидеть их снова, вернуться домой. Потому что здесь, каким бы счастливым ни было его при-
бытие, он оставался чужим. А быть чужим могло оказаться опасным. Даже жестоким.

Но было кое-что хуже.

Он должен был сделать всё, чтобы не повлиять на события, которые уже знал наперёд.

Первым шагом станет выяснить — в каком именно моменте истории он оказался.

Он закрыл глаза.

И впервые в жизни помолился — не богу, а самому времени.

«Не оставляй меня одного надолго».

Глава 2 — Новый гражданин

Первые дни текли, как вода из медленного родника — без спешки, без шума, но неустанно.

Михаил вставал до рассвета, когда роса ещё покрывала оливковые ветви. Помогал Михаилу доить коз — тёплые вымена под неумелыми пальцами. Потом собирал упавшие оливки, сортировал хорошие от подгнивших, носил их к прессу. Воздух был удивительно мягок для декабря — теплее, чем в его эпоху. Он вспомнил университетские лекции: в античности финиковые пальмы росли в Греции. В его веке это стало невозможным — зимы стали слишком суровы.

Его руки, привыкшие к страницам и перу, покрылись волдырями, потом мозолями. Он учился связывать лозу, рыть канавки для воды, различать травы от лихорадки и кашля.

Вечером, измученный, он ел молча, пил немного вина, разбавленного водой, и засыпал под колючим шерстяным одеялом. Ему больше не снился Севастополь. Или снился так мельком, что от пробуждения оставался лишь горький привкус.

На яву он хранил память о семье, об ушедшей жизни. И самые простые жесты, утреннее умывание, например, обретали новое значение, когда вода была ледяной в декабре. Но он приспособливался не по выбору, а потому что выбора не было.

Однажды утром он пошёл один в Херсонес. Город просыпался неспешно. Женщины подметали пороги, дети бежали в школу, кузнец уже стучал по наковальне. Михаил пересёк агору, миновал храм Афины и поднялся по тропе к холмам.

Там, на краю запущенного поля, он увидел плоский камень, изъеденный временем, окружённый грудками мелких камешков — безымянные дары путников, пастухов, потерянных душ. Говорили, это место посвящено Гермесу, богу дорог и переходов.

Михаил вынул из кармана веточку можжевельника, которую оставила ему Александра: сухую, увядшую, незаметную. Положил на камень, рядом с другими подношениями.

— Это ничего, — прошептал он. — И всё же это всё, что у меня есть.

Долго стоял так, с закрытыми глазами, слушая ветер в кипарисах.

Спускаясь, у фонтана он услышал голоса. Мужчины говорили тихо, напряжённо.

— ...С тех пор как Митридат взял нас под свою защиту, налоги растут без конца...

— ...Говорит — для войны. Но какой войны? Рим так далёк, а это нас не касается...

— ...Требует солдат, пшеницы, вина... будто Херсонес — его личный амбар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.